

Жак Коллен де Планси

Ужасы чародейства

Сказки, повести и анекдоты о нечистых духах, страшилищах, колдунах, призраках, мертвецах, привидениях и разбойниках

Ужасы чародейства

Предуведомление от Автора

Народные Немецкия сказки, изданные в Германии, побудили меня к составлению сей книги, а советы некоторых известных наших писателей послужили мне руководством, и я собрал сии повести.

Меня без сомнения осудят за то, что я включил здесь довольно смешного и несбыточного; ответственю: все, что я ни собрал здесь для рассказа, не есть плод моего воображения; но слышанное от многих добрых людей, почитавших все чудесное в сих сказках сущю правдою и до сих пор остающихся при своих мнениях. — Их трудно переуверить в том, что слышали они от дедушек и бабушек своих.

Я выдал в свети сии сказки, как памятник

суеверных народных мнений, и не переменяю в рассказе ничего кроме слога; а если некоторые найдут меня неправым в том, что я включил и такие повести, которые правдоподобны, то они и не подлежат под заглавие сказок, а помещены для разнообразия; посему-то старался я смешную или чудесную сказку поместить подле печальной и правдоподобной повести; от сего разнообразия произошло и разнообразие слога, так, на пример, повести Прекрасная Юлия и Прованская Габриела не могли быть писаны таким слогом, как Ужасный козел в амбаре или Чортова житница и пр.

Я не принимал труда к исправлению невероподобнаго и к смягчению мнений в суеверных сих сказках для того, что здравомыслящий Читатель сего и не потребует от такового рода книги, а пожелает конечно только того, чтоб в ней было много чудеснаго, и чтобы она могла хотя несколько развлечь читающаго во время скучных часов его жизни.

Впрочем слово: Сказки, кажется, освобождает меня от излишней отчетливости.

От переводившаго

Любезный Читатель!

Посмотри на заглавный лист сей книги и прочти избранный мною эпиграф. — Вот причина

почему перевел я народный сказки Французския. — Конечно, лучше бы собрать свои отечественный; но не всякой имеет такое перо, как Автор Ильи Муромца, Руслана или Лафертовской маковницы. — Мне было скучно: я прочел сии сказки, случайно попавшияся мне на глаза и, казалось, во все время моего чтения, скука с угрюмым челом своим не была пред мною; вскоре, опять таки от скуки, перевел их, и от души желаю, чтобы сии чудныя, странныя и сметный сказки прогнали скуку и от читателя-соотечественника.

По мере моей возможности я старался, передавая рассказы иностранца, сохранить самой простой слог и тем уподобить их сказкам Русским, — не знаю, успел ли? По крайней мере я имел это целию. Впрочем я буду и тем доволен, если какой-нибудь читатель, мучимый бессонницею от досады, что не может превзойти ближняго своего или в богатстве или в почестях, заснет под моим переводом. — И это будет благо; ибо книга сия, погрузив его в сон, лишит способности изобрести что-либо ко вреду счастливаго своего ближняго.

Иван Гурьянов

I. Чортова житница

В одной из Французских провинций, именующейся Шампания, жил очень давно

зажиточной поселянин, Жан Мюлен; покойно и счастливо протекала жизнь его в трудах около полей и виноградника; он с удовольствием видел, что добрая жена его Катерина ежегодно умножала его семейство новым наследником или наследницею. — На сем свете нет ничего прочного, и наш добрый Жан испытал это: минуло несколько лет, все шло как нельзя лучше, наконец под осень, когда уже хлеб был собран и заготовлены запасы на зиму, ударил гром — и дом Жана загорелся, житница, амбары и все принадлежности превратились в пепел. Жан, — будем впредь называть его просто Иваном, — разорился бы вконец, если бы по счастью не спас он от пламени небольшой суммы денег, сохраненной им в прежние годы.

Вскоре Иван выстроил новый домик, но казна его не прибывала, а убывала, и это огорчало все семейство. В крестьянском быту без житницы дело плохо. Добрый Иван наш видя, что жатва поспевает уже, и что хлеб и виноград, стоящий ему таких трудов и терпения, не удобно собирать в чужие амбары, просил и друзей и родственников помочь ему на постройку житницы; но на сей раз все ему на отрез отказали.

Богатому обеднять тяжело! — Однажды вечером в страшной грусти бродил он около полей своих, и возвращаясь домой, на перекрестке,

встретил незнакомаго человека высокаго роста, одетаго в черное платье; ноги у него были очень безобразны и обуты в какия-то странныя полусапожки, а на руках были у него красныя перчатки.

Скоро вступили они в разговор, и незнакомец, разспросив Ивана о его печали, сказал, что легко может сему горю помочь, если только он ему совершенно поверится.

— «Каким же образом?» — спросил Иван.

— «Выслушай меня, — отвечал прохожий, и не бойся. Я имею сверхъестественную силу и люблю детей. Отдай мне то дитя, которым теперь беременна жена твоя — и житница твоя будет готова до первых петухов сей ночи».

— «С нами крестная сила!» — вскричал Иван и перекрестился...

В туж минуту черной незнакомец пропал с шумом, и Иван догадался, что разговаривал с нечистым духом. Сердце его билось от страха; он поспешил возвратиться домой и положил твердое намерение не вступать в подобный торг никогда.

Хлеб поспевал, а у Ивана житницы не было. Что было делать? — На ум приходило и то и сё, думал даже и о том, как бы увидеться с черным прохожим и убедить его на какое-нибудь другое условие; но надежда его тотчас уничтожалась, когда вспоминал он, что черный особенно любил

детей. Наступало уже и время жатвы, поспевал уже и вино град, а житницы еще не было; очень грустно было Ивану.

Однажды, бродя по полям, он набрел нечаянно на тот же перекресток, где встретил незнакомца. На дворе уже наступила ночь. Он сел на межу и глубоко вздохнул три раза.

— «Ну! Неужели ты еще не решился? — спросил его вдруг представший черный прохожий, — у тебя пятеро детей, что тебе прибыли в шестом, если и первые должны умереть с голода? Что ты боишься мне его вверить! Я буду пещись об нем и тебя сделаю богатым...».

Быть богатыми сводило с ума многих. Несчастный Иван дал кровью своею написанную записку, что отдаст младенца тотчас по его рождении тому, кто принесет к нему его кровавую записку, но с тем только, чтоб в сию же ночь до первых петухов была готова житница.

Дело сделано. Иван пришел домой, жена и дети встретили его с радостью; но он был печален и не мог ужинать. Только что улеглись его домашние, он вышел посмотреть, что у него на дворе делается, и что ж увидел он. Сотни чудовищных, уродливых нечистых духов сносили отвсюда бревна, доски, солому, и в глубоком молчании, но с величайшим прилежанием строили житницу. Лица сих работников были огненного цвета, пальцы

крючковаты, ноги безобразный, на головах рога у иных длинные, а у иных короткие; хвосты доказывали, что это были за работники. Начальник их, ужасного роста и еще безобразнее, безпрестанно понуждал ленивых. Ивану казалось, что это был самый тот, с которым он сходил на перекрестке, но теперь наружность прохожаго была не такова: он был черен как сажа, и только местами кой-где были на нем пятна огненного цвета; ноги его имели подобие змей и были покрыты шерстью; длинный хвост его, изгибаясь во все стороны, служил ему плетью, для понуждения к работе ему подчиненных; острые длинные когти, козлиная борода, страшный зев с тройным рядом острых зубов, ослиные уши и страшные рога служили ему украшением, — Иван затрепетал от ужаса, когда пришло ему в голову: кому отдал он свое детище! Но в тот же час добрый Ангел внушил ему мысль бежать к одному из его соседей, который почитался умнейшим из всего околка.

Сосед удивился столь позднему посещению, но узнав причину, оделся как можно поспешнее.

— «Дай Бог, Иван, чтобы на твое счастье Сатана не успел достроить житницу, иначе бедное твое дитя пропало — и ты также».

Так говорил умной сосед, выходя из дому, и почти бегом достигнул жилища, где нечистые духи еще продолжали работу. — Сосед тотчас бросился

в курятник и выгнал из онаго всех кур. Проснувшийся петух запел, и — вся нечистая сила исчезла, недостроив житницы. Еще несколько минут, и чортова работа конечно была бы совершена, тогда условие было бы в своей силе: несчастный Иван и дитя его были бы достоянием Сатаны и ада; но теперь работа прервана, и Иван не знал, как благодарить своего соседа-благодетеля.

Наступил день; весь околородок узнал странное приключение, и все сходились смотреть житницу. Некоторые втайне желали сами вступить в такую же связь с чортом; но не знали, где найти его. Из сострадания соседи хотели было доделать недокончанную житницу; но намерение и усилия их были тщетны: все, что они ни делали в течение дня, все то было разрушаемо ночью, и житница долго — говорят — стояла недокрытая и наконец сгорела от молнии.

Между тем Катерина родила дочь и вскоре умерла. Маленькая Анна была отдана кормилице, но так была несчастлива, что всякая кормилица, приняв ее, или делалась больна, или теряла молоко. Огорченный Иван вынужденным себя нашел отдать маленькую Анюту на воспитание сестре своей, живущей в предместьях города Сезана.

Первый год по смерти Катерины прошел без всякаго особеннаго произшествия, только в самый тот день, когда построена была житница, и в самый

тот час, когда прервана была работа чертей пением петуха, ежегодно слышался на верху житницы шум, грохот и временное возгарание молнии. Соседи уверяли за подлинное, что они видали даже в то время летающих чудовищ страшного вида с крыльями летучих мышей, с длинными хвостами и красными рогами на головах. — Сие странное явление было видимо всегда в помянутую ночь и в течении всей жизни Анны не уменьшалось.

Когда меньшая дочь Ивана достигла 16 лет и была чрезвычайно хороша собою, тогда многие молодые люди сватались за нее, и отец намеревался выдать Анну, предполагая тем уничтожить страхи, наводимые нечистыми духами на дом его и даже на весь околодок, но сердце Анны было еще свободно, и свадьба всегда откладывалась до следующей осени.

На 18 году от роду, в одну ночь, Анна уснула, размышляя о выборе жениха. В сновидении представился ей прекраснейший молодой человек, щегольски одетый. — Его томный и нежный взгляд тронул сердце девицы. Молодой человек взял ея руку и с почтением поцеловал оную. Анна проснулась и изумилась, увидев пред собою точно сего незнакомца.

— Кто ты? — спросила она, прикрываясь одеялом.

— «Невольник красоты твоей, — отвечал

молодой человек, — пылающий чистейшею любовью и решившийся умереть, если ты отринешь мои чувства».

Пораженная любовью и удивлением, Анна, оправляясь от первого страха, пожелала знать, каким образом он вошел в ее спальню.

— «Что нужды в этом? Довольно того, что я люблю тебя, и буду любить всегда, — остальное предоставь знать мне».

Так отвечал молодой красавец и, продолжал уверения свои в пламенной и вечной любви. Анна была молода и не приобыкла к лести. Сердце ее билось сильнее и сильнее. Убеждения незнакомца проникали в душу ее и она дала ему слово любить его единственно, прося однако же его тотчас выдти и оставить одну подумать о сем хорошенько. Молодой человек повиновался и вышел в окно.

Анна встала, подбежала к окну, хотела посмотреть, в которую сторону пошел ее любезный, но она не видала ничего. Любовь, удивление и страх волновали ее чувства; она бросилась в постель, но не могла заснуть.

Весь наступивший день была она печальна и как бы потеряна. Тетка ее спрашивала причину; но она не говорила ничего о ночном посещении молодого человека, вероятно или потому, что она боялась обнаружить страсть свою, или потому, что он воспретил ей это разглашать до времени.

В следующую ночь незнакомец опять явился у постели прекрасной Анны. — Любовь и нежность его еще более усугубились. Посещения сии продолжались 8 дней. Анна еще и не знала имени своего любезного, но чувство любви ея к нему возрасло до высшей степени: она сделалась бледна, задумчива, не употребляла пищи и приметно ослабевала. — Все это заметили; но никто не знал истинной причины; догадливые старушки намекали в тайных своих беседах о любви, но всегда ошибались в предмете.

В девятую ночь прекрасный незнакомец, всегда пламенный и почтительный, сделался смелее; еще колебалась Анна, но его убеждения были сильнее: она дала ему наконец клятву быть его и принадлежать ему. — Утренняя заря разлучила любовников, утопавших в восторгах любви...

Весь следующий день она не выходила из своей горницы, думала о минувшей ночи и решилась непременно в первое свидание с любезным убедить его приступить к свадьбе? Часы дня сего казались ей длинны, как годы.

Настала ночь; часы пробили 12. Анна прислушивалась к малейшему шороху, ожидая своего любезного; но он не приходил еще. Около двух часов за полночь послышался ей страшный шум; окошко ея задрожало, и она видит вошедшее

чудовище, кроваваго цвета, с длинною бородою, всклокоченными волосами и с какою-то кочергою в руках. Девицу объял трепет; она хотела закричать, но чудовище закрыло ей рот своею холодною и мохнатою лапою, село к ней на постелю и пожирало ее глазами. Девица обмерла.

— «Ты моя на веки, ты поклялась мне в том!» — произнесло чудовище после нескольких минут молчания и исчезло... Горница наполнилась смрадом.

Анна, пришедши в себя, закричала, испугавшаяся тетка прибежала: но услышав от племянницы о явлении чудовища, назвала ее суеверною и возвратилась в свою комнату.

Легко вообразить, в каком страхе и в каких мыслях провела Анна остаток ночи. По утру тетка нашла ее на постеле при смерти больною; тотчас послали за Священником, который употребил все свое красноречие, чтобы успокоить больную.

На следующую ночь тетка осталась при племяннице и, желая успокоить ее, смеялась и надея страхами и над привидениями. Лишь только ударило два часа, как окно растворилось с треском, и чудовище в прежнем виде предстало пред постелею Анны. Она вскрикнула, а тетка упала без чувств на пол.

Чудовище наклонилось к постели, взяло руку девицы, посмотрело на нее и сказало также, как и

прошедшую ночь: ты моя на веки, ты поклялась мне в том!... и исчезло.

Долго после сего спустя, тетка первая пришла в чувство, закричала своего мужа и других домашних, и всем им, когда они прибежали, рассказала, что племянница не ошиблась, и что она сама уже своими глазами видела Сатану.

С общего совета послали тотчас за умным соседом, некогда помогшим отцу Анны. Он пришел и осмотрел все жилище, сказал, чтобы дитя, тетка и двое двоюродных братьев хозяина остались с ним на всю ночь при постеле девушки. Настала ночь, и все расположились на стульях около Анны, в твердом намерении не спать; но едва ударило 12 часов, как всех объял глубокой сон, даже и самую Аннушку, которая уже несколько ночей не могла заснуть; конечно сон сей был ничто иное, как напущение нечистой силы.

В полночь девица разбужена была, и кем же? ея милым, молодым любовником, котораго не видала она в течение двух ужасных ночей, и который тихо извинялся пред нею, что по некоторым обстоятельствам не мог так долго быть у нее. Бедная Аннушка поверила, обрадовалась и забыла все страхи. Восковая свечка, принесенная соседом, горела на столе весьма томно. Аннушка предалась радости, увидя своего любезнаго, до такой степени, что близка была забыть себя и всех

около ее сидящих, но вдруг упало что-то в переднем углу, и сосед, который сидел ближе всех к постели, проснулся и взглянул на молодого щеголя; он тотчас догадался, кто был сей посетитель, и бросил что-то бывшее у него в руке на незнакомца. Сей сделался недвижим и принял настоящий ужасный свой вид, но не для бедной Аннушки: она видела его все еще в образе своего милого любовника. Сосед встал, разбудил всех спящих. Все ужаснулись, увидя страшилище; тетка упала на пол. Сосед оправил свечку и начал заклинать дьявола пояснить причину его прихода. Едва кончил он заклинание, как и бедная девица освободилась от очарования и узнала в любовнике своем того самого, который в прежния ночи наводил присутствием своим на нее ужас. Она вскрикнула и лишилась чувств.

Тогда враг человеческого рода сказал страшным голосом:

— Она моя на веки, она поклялась мне в том ея Богом, и никакая уже сила не отымет ея от меня. Еще ее не было на сем свете, как получил я от ея отца на нее полное право, но ты разрушил мои права, теперь же...

Страшилище хотело увлечь свою жертву, но сосед, предусмотря его намерение, брызнул на лежащую без чувств из маленькой скляночки несколько капель святой воды, Сатана отскочил от

постели и страшно заревел.

Сосед начал делать снова заклинания и наконец сказал:

— Ты успел обольстить несчастную, также как и отца ея; ты погубил ее, но не возмешь ее, пока не дашь ей время проститься с отцом, которому принадлежала она по правам гораздо священнейшим.

— Я согласен дать время; но сколько ты на это требуешь?

— Пока не догорит эта восковая свечка, — сказал сосед, показывая на маленькой огарок, горящий на столе.

— О! согласен! согласен!

— Клянись же!

Чудовище начало бормотать что-то понятное одному только соседу, и только что кончил, как сосед потушил огарок и тотчас положил его в чашку, налитую Святой воды.

Сатана задрожал, заскрежетал зубами и в виде пламени исчез. Несчастливая девица пришла в чувство.

— Слава Богу! сказал сосед, мы спасли Аннушку; но надобно быть осторожными, и для того сей час отнесите эту чашу с водою и огарочком к Священнику. Он знает, как сохранять оную, только расскажите все как происходило.

Дядя хотел было сам отнести; но сосед, зная

хитрость нечистых духов, не хотел вверить ему сего сокровища, и сам отнес воду и огарок Священнику, который тотчас внес оные в церковь.

Сатана лишился своей жертвы.

Аннушка не видала уже более духа, оправилась от болезни, но была всегда печальна. Спустя три года, один молодой человек увидел Аннушку, полюбил ее и, не смотря на то, что ему рассказали все случившееся, присватался и взял ее за себя.

Долго и счастливо жили они вместе, любили друг друга, и враг не мог уже нарушить покоя Аннушки. Когда умер отец ее, то снова по ночам соседи видали над домом его летающих страшилищ, но вреда никому от того не было.

II. Изгнанные домовые

В одном Французском городе, именно в Ренне, жил один Стряпчий, которым многие отзывались не с хорошей стороны. В народе шла молва, что он многих обидел, пустил по миру и заставил умереть в печали и нужде. Стряпчий помер, и с самага дня его смерти появились в огромном его доме домовые и начали разныя свои шалости. Кому не известно, что домовые шалят, производят шум, стук, но никому не бывают видимы. Шалости домовых нагнали такой страх на

всю родню стряпчаго и на всех живущих в доме, что все выехали, и дом сделался необитаем. — Не смотря однакож на сие, соседи долго слышали шум в опустелом доме.

По прошествии 9-ти месяцев после смерти стряпчаго шум совершенно смолк в доме. Наследники старались продать его, но покупатели боялись: ибо едва только кто, приторговавшись, входил смотреть то, что покупает, то шум возобновлялся. Так продолжалось довольно долго; было много охотников; но дом никто не мог купить. Наконец нашелся один старый драгунский Капитан, который смеялся всем суеверным бредням, домовым и привидениям, и который, не смотря на разные слухи, купил сей дом за дешевую цену и смело переехал в оный.

Наступил вечер. Офицер приказал развести в большом зале в камине огонь, приготовил пару добрых пистолетов, палаш и сел, ожидая явления своих неприятных и незванных жильцов.

Скоро послышалось ему, что кто-то ходит около его. Он обернулся, но не видал никого. Чрез несколько минут он почувствовал, что его крепко кто-то схватил за ухо. Офицер разсердился, схватил пистолет, обернулся и увидел позади себя у софы приготовленный на одну особу прекрасный ужин.

— «Ого! если только для того меня схватили за ухо, чтобы я сел поужинать», — сказал громко

Офицер, — «то это можно было сделать и не так неучтиво».

Офицер встал и подошел к софе, но только что он сел, как стол сам собою отодвинулся на середину. Офицер пошел за столом, но стол беспрестанно отходил от него то в ту, то в другую сторону.

Офицер начал бегать за столом, в намерении схватить его но ни тут-то было, стол бегал прытче его.

— «Ну к чорту! право, так шутить с Офицером не годится», — вскричал уставший Офицер и бросился на софу. Лишь только он сел, как стол сам собою подвинулся к нему и остановился в надлежащем положении. Вкусные по виду и запаху кушанья разрезывались сами собою и клались на тарелку; бутылка откупорилась также сама собою, и невидимые хлебосолы налили полный стакан вина.

— «Так и быть», — сказал Офицер, — «надобно забыть прошедшее из благодарности за такое угощение!»

Сказав сие, Офицер хотел взятой им кусок хлеба и говядины поднести ко рту; уже кусок касался почти губ, как вдруг кусок выскочил у него из рук и очутился на середине залы.

По залу раздался громкой хохот.

С досады и для большей смелости, Офицер

схватил стакан вина, приложил к губам, хотел пить: но по усам текло, а в рот не попало: вино лилось, но не в рот, а на пол. Как ни вертел Офицер стакан и как ни старался он выпить, но никак не мог.

— Опять по залу громкой хохот и топотня.

Можно вообразить, как разсердился Офицер за такую шутку. Он схватил пистолет и обнажил палаш, но не видал пред собою никого; и так, не зная кого наказать за дерзость, положил пистолет на камин. В ту же минуту, как он сие сделал, у обоих пистолетов выскочили сами собою кремни и пропали. Офицер поуспокоился немного, позвонил в колокольчик и приказал вошедшему человеку своему подать свой ужин. Тотчас стол был накрыт; но каково было удивление Офицера, когда все кушанья, которые вносил человек его и который Офицер ясно видел на блюдах, как скоро были поставлены на стол, то пропадали. Офицер сам наливал в стакан из бутылки вино; но налитой стакан пропадал со стола и снова являлся порожний.

По залу снова раздавался шум и хохот; все люди, прислуживавшие барину, со страху разбежались.

Офицер струсил не на шутку и пошел к одному своему старинному приятелю ужинать и посоветоваться что ему делать. Сей товарищ имел познания в тайной Магии и, выслушав друга своего,

накормил его ужином и дал ему какое-то заклинание, научив, как употребить оное.

Обрадованный Капитан тотчас возвратился домой и по прежнему поместился в зале. Поправив в камине огонь, он приступил, по наставлению друга своего, к действию заклинанием: он поставил в одном углу стул, столик и свечку, очертил около всего этого мелом тройной круг, сел на стул и начал читать заклинание. Он прочел его первый раз, по зале сделался шум, прочел в другой раз, шум увеличился; но когда начал читать в третий раз, то все утихло, и едва он кончил, как явился пред ним из полу дух в виде прекрасного какого-то существа; на голове его горели пять ярких звезд. Зал сам собою осветился.

— «Что тебе угодно», — сказал дух, — «я готов служить тебе, ибо должен повиноваться повелениям того, кто вручил тебе заклинание».

— Когда так, то скажи, пожалуста, кто эти проклятые домовые, которые не допускают никого жить в сем моем доме?

— Смотри!

Офицер взглянул в ту сторону залы, на которую показал дух, и ясно увидел до полусотни разных мохнатых уродливых больших и малых привидений, которыя прыгали, вертелись, кривлялись и делали разныя друг над другом шуки. Они порывались подскакивать и к Офицеру;

но какая-то невидимая сила их удерживала в той стороне зала; дух о пяти звездах стоял покойно и сказал:

— «Вот те, которые не позволяли никому жить в твоём доме; они присланы сюда душами тех, которые пронырством и крючкотворством умершего стряпчего лишились всего имущества и принуждены были умереть от горести и нужды. Никакая человеческая власть не в силах их изгнать отсюда; но я могу; ибо они повинуются мне, как я мудрому Соломону».

— «Изгони же их, и я буду тебе благодарен».

Дух обернулся, дунул на толпу домовых — и они исчезли. Офицер поблагодарил духа, который также исчез вскоре, и дом совершенно очистился от домовых.

III. Видение. — Страстная любовь

В старину рассказывали, что любовь производила чудеса. Век рыцарства наполнен такого рода происшествиями, который свидетельствуют, что точно любовь управляла всеми действиями тогдашнего времени; ныне она также видна, но только в романах, а в сущности почти невероятна, и следовательно тем более примечательна.

Некогда во Французской провинции,

известной под именем Лангедока, жили Альфонс и Юлия; они были оба дети зажиточных поселян одной деревни; они имели одинакия наклонности, одинакие почти недостатки, одинакие вкусы, и следственно не удивительно, что полюбили друг друга. Время укрепило любовь сию; никакая порочная мысль с обеих сторон не оскверняла сего чувства.

Альфонсу минуло 21 год, а Юлии 18. Родители, давно замечавшие любовь детей, наконец изъявили согласие на брак, и отлагали день совершения онаго единственно для того, чтобы изготовишься отпраздновать его пышнее.

Двоюродный дядя Юлии, со стороны матери, был богатый купец города Марсея и, нажив огромный капитал, хотя ничем не помогал отцу невесты, но был очень уважаем. Его ожидали к свадьбе, потому что он сам вызвался сделать им сию честь.

Дни, которые проведены в ожидании сего дяди, казались обоим любящимся целыми годами, а приезд его был для них несказанною радостью. Он приехал; обрадованная племянница разцеловала руки своего дяденьки.

Надобно сказать, что сей дядя имел у себя сына, котораго называли Эрнестом, и который, пользуясь богатством и слабостию отца своего, предавался покойно всем порывам страстей. Его

называли все повесою; девицы и даже молодые мужчины, воспитанные в страхе Божиим, его убегали, как язвы.

Лишь только Эрнест увидел Юлию, как сильная страсть вспыхнула в его сердце, которая дотоле была ему неизвестна. Он сей час увидел, что не имел надежды, но не привыкши себе ни в чем отказывать, он дал полную волю своей страсти. Невинность Юлии, скромность ея, добродетель, образ обращения, совершенно непринужденного и веселый нрав умножали силу сей страсти и заставили его открыться в любви. Юлия удивилась и покойно сказала ему, что чрез три дни рука ея будет принадлежать тому, кому уже давно она обещана. Повеса начал уверять ее, что так как это есть первая любовь его, которой никогда еще не испытывал он, то и не может ей противиться; он продолжал подкреплять свои уверения, напоминая о своем богатстве. Юлия разсердилась в первый раз в своей жизни, ушла от него, не отвечая, и также в первый раз почувствовала печаль, которую спешила сообщить милому своему Альфонсу.

Альфонс, выслушав Юлию, старался ее успокоить тем, что вероятно отец ея, давший уже слово и распустивши о сем слухи, не захочет изменить обещанию, а к тому же и отец Эрнеста конечно не согласится, чтобы сын его взял неровную партию. Альфонс успокоил Юлию, но

сам страшился сего случая, ибо знал, что богатство Эрнеста может много сделать.

Юлия рано легла спать, потому что не хотела видеть соперника своего друга; — а Эрнест, пользуясь сим отсутствием Юлии, в вечерней беседе стариков, сообщил им о своей страсти. Отец его, имевший другия намерения нащет супружества, никак не хотел согласиться; но когда Эрнест решительно объявил, что он умрет, если не будет мужем Юлии, тогда отец его согласился на все.

Отца Юлии уговорить было легко, потому что он не знал ничего в свете лучше богатства, а присоединив еще к сему то, что дочь его будет женою не крестьянина, а Марсельскаго купецкаго сына, можно, наверно, положить, что с его стороны мало было сопротивления. Любовь в его глазах было такое чувство, которое раждалось только после свадьбы, а иначе еще, была только игра воображения.

В сей же вечер отец Юлии послал к Альфонсу сказать, что условие их о браке с его дочерью рушилось по непредвидимым обстоятельствам, и что его просят не ходить более в его дом.

Легко можно представить себе положение Альфонса: в сердце его замерли все чувства; он машинально вышел из дому отца своего в лес и там провел в слезах всю следующую ночь.

Показалась заря!

— «Вот», — сказал он сам себе в ужасной горести, — последний из моих дней! Вчера я был еще счастлив; вчера я вкушал еще сладостныя надежды и — вдруг лишился всего. Чего ждать еще? Неужели того, чтоб горесть повергла меня на долговременный и мучительный одр болезни? чтобы смерть по маленьку и с адскими мучениями исторгла жизнь мою? Нет! я должен умереть, не пережив моего нещастия; но я должен прежде видеть мою Юлию, пожелать ей счастья, получить последний поцелуй и — тогда умру покойно.

Ночь проведенная без сна и ужасная горесть лишили его снова сил: он пал на землю — и благодетельный сон сомкнул его ресницы.

Между тем отец, на следующее после объяснения утро, вошел к Юлии и сказал ей, что она должна выкинуть из головы Альфонса и приготовиться после завтра быть женою богатаго Эрнеста¹, ея двоюроднаго брата.

— «Боже мой!» — вскричала Юлия, «Батюшка! неужели вы хотите разлучить меня с Альфонсом? Неужели?...» — она не могла договорить и упала в постель.

---

¹ У Католиков позволяется законом двоюродным вступать в брак.

— «Ернест должен быть твоим мужем, и никто другой, — прервал отец строгим голосом. — Ты должна любить Ернеста, я тебе приказываю, а вместе с сим запрещаю отныне видаться и говорить с Альфонсом; — ему еще вчера я объявил это».

Отец вышел, дочь осталась без чувств.

Сей и следующий дни прошли весьма печально для несчастных любовников. — Юлия не выходила из своей горницы и не осушала глаз. Альфонс бродил оба дня около жилища своей любезной. Ужасная скорбь снедала его сердце; он хотел видеть Юлию или своего соперника, но не мог видеть ни того, ни другого.

Настала ночь. Альфонс вошел на двор отца Юлии. Спущенная с цепи собака стерегла богатые житницы и конюшню. Она узнала доброго Альфонса, не залаяла, но начала ласкаться.

— «Доброе животное!» — сказал Альфонс, — «как много ты превосходишь добротой сердца твоего человек; тот, кто единожды приобретет твою привязанность, тому нечего уже страшиться потерять ее».

Собака поласкалась и побежала на задний двор. Альфонс с трепетом подошел под окошко Юлии. Прислушивается; слышит тяжелые вздохи и всхлипывания своей любезной; сердце его сжимается.

Юлия еще раз хочет видеть небо, которое

обещало ей радости и которое теперь есть безмолвный свидетель ея горести. Она отворяет окно и видит своего друга.

— «Боже мой!» вскричала Юлия, — «это ты... Завтра наступит день, который долженствовал соединить нас навеки и соделать счастливыми... Но завтра... нас хотят разлучить... Есть лучший свет, там мы соединимся... Милый Альфонс, прости, поди домой. Если тебя увидят... Боюсь... Прости... Скоро увидишь ты, как я люблю тебя!»

Альфонс не мог выговорить ни слова; все чувства его замерли.

Они поцеловались, поклялись снова любить друг друга вечно, услышали какой-то шум в соседственной горнице и разстались. Юлия закрыла окна, а Альфонс отошел от убежища, где заключалось все, что было для него наидрагоценнейшаго в свете.

Только что начало на дворе светать, как родители Юлии вошли в ея комнату, чтобы одевать невесту в церковь. Но что же они увидели? — Мертвый и обезображенный труп их дочери лежал на окровавленной постели.

Ужас и скорбь овладели несчастными. На крик и вой их сбежался весь дом; но пособить было уже не чем, Юлия была холодна как лед, и приготовления к свадьбе переменились на приготовления к погребению.